

Рецензия
на выпускную квалификационную работу Буглака Н.С.
Феноменология интеллигибельного: сознание и объективная реальность

Следует сразу же сказать, что проблема, звучащая в названии данной темы, представляется в высшей степени актуальной в современной теории познания и философии науки. Вопрос об отношении сознания и реальности становится настоящим с одной стороны, в связи с кризисом так называемого репрезентативизма и активным обсуждением возможностей и прав релятивизма и социального конструктивизма. С другой стороны, осуществляется попытка обоснования возможности научных суждения о «мире вне нас» в частности в контексте спекулятивного реализма. И это стремление напрямую связано с критикой так называемого корреляционизма – философской установки, в контексте которой мир можем быть рассмотрен только в качестве данности сознанию. Именно в контексте этой актуальной проблематики конца XX начала XXI века возобновление внимания к классикам корреляционизма, каким является Гуссерль, а также прояснение возможностей решения вопроса об отношении сознания к реальности в рамках того направления, где, казалось бы, этот вопрос должен быть снят по определению, достаточно оправдано. Проект Гуссерля и дескрипция его в работе Никиты Сергеевича любопытны тем, что на этот «скандальный вопрос» предполагается давать ответ не в контексте позитивистской методологии, на основании уточнения принципов достоверности знания, а в рамках анализа возможностей самого сознания. И, несмотря на то, что Гуссерль как трансценденталист, в решении этого вопроса во многом наследует Канту, в его подходе есть некоторые черты (например, значение интерсубъективности) которые в своей отчетливой проблематизации специфичны именно для XX века.

На мой взгляд, структура работы отвечает разворачиванию данной темы и не только верно схватывает замысел основателя феноменологии, но и позволяет адекватно выразить авторскую задачу. В первой части Никита Сергеевич дает анализ основных понятий феноменологии, определяющих структуру сознания в его возможности конститутивной деятельности. Не случайно при этом именно концептам редукции и интерсубъективности придается особое значение. Первому, так как многообразие редукций задает уровни дескрипции феномена и второму, в связи с его ролью в преодолении так называемого трансцендентального солипсизма и конституировании идеи «объективного мира». Вторая часть посвящена критике тех подходов, которые, по мнению Гуссерля, заводят в тупик стремление познать объективную реальность – это наивный натурализм или объективизм и психологизм. В этом смысле тема, как я полагаю, раскрыта полностью, насколько это возможно в рамках квалификационного исследования бакалаврского уровня, поскольку в работе как демонстрируются конструктивные возможности сознания в отношении к миру феноменов, так описываются провалы познавательного опыта.

В качестве еще одного достоинства работы следует отметить обнаруживающееся в ней свободное владение текстологической базой исследования и сформированные навыки герменевтической работы. Так, небольшой текст Гуссерля «Кризис европейского человечества и философия» оказывается органично вплетенным в различные контексты работы, причем Никита Сергеевич не только и не столько цитирует его, сколько пересказывает, достаточно адекватно интерпретируя.

Свои замечания к работе я хотела бы разделить на две группы. Одни носят формальный или технический характер и могут быть оправданы спецификой бакалаврского исследования и поняты как рекомендации для будущих текстов. Вторые – носят дискуссионный характер содержательных возражений или сомнений, которые скорее

подчеркивают значение данного исследования, оказавшегося способным спровоцировать содержательную философскую полемику.

Итак, меня несколько смутило то, что в названии работы я не увидела имени Гуссерля, хотя текст посвящен единственным образом именно его феноменологии (как определено в целях исследования). То, что Гуссерль является основателем феноменологии, не делает его единственным представителем этого философского движения и современная феноменология, в частности в своем французском изводе, говорит немало любопытного относительно интересующей автора проблемы. Соответственно, хотелось бы встретить больше обоснования данной конкретизации. Также представляется, что могло бы быть задействовано больше исследовательской литературы, тем более что феноменологические исследования активно представлены и на русском языке. Я не увидела в списке литературы таких признанных авторитетов как В.И. Молчанов и А.Г. Черняков. Нет также упоминания Г.И. Чернавина, М.А. Белоусова, Н.А. Артеменко, А.Б. Паткуля да и работы научного руководителя почему-то не оказались в поле авторского внимания. Иногда немного удивлял и выбор первоисточников. Скажем, я бы могла предложить рассматривать проблему уровней редукции скорее на основании текста Феноменология, написанного Гуссерлем для Британской энциклопедии, а не на основании Идей. Кстати тогда идея эйдетической редукции также была бы задействована. Хотя, конечно, я не сомневаюсь в оправданности авторского выбора. Кроме того, не совсем ясно, почему некоторые понятия, в частности понятие феномена рассматривается на основании работ М. Хайдеггера. Несмотря на то, что он является учеником Гуссерля, нельзя не отдавать отчета в специфике хайдеггеровского жеста, который дает основание называть его философию скорее не феноменологией, но фундаментальной онтологией. Именно с этим, на мой взгляд, связана неопределенность в трактовке Никитой Сергеевичем понятия априори, которая неслучайно понимается в онтологическом ключе именно у Хайдеггера. Однако, как я сказала, эти замечания можно определить как рекомендательные, которые могут быть учтены в дальнейшей работе с философскими текстами.

Вторая содержательная группа замечаний относится к работе с понятиями. У меня возник вопрос относительно того, различает ли автор объективность как отношение к независимой реальности и вещам самим по себе (в тексте к реальности трансцендентной) и объективность как всеобщность, связанную с интерсубъективностью. Также мне интересно как понимает Никита Сергеевич различие между объективностью и объективизмом. Кроме того, мне представляется, что при условии сближения смыслов естественнонаучной рациональности и рациональности вообще может возникнуть подозрение в иррационализме Гуссерля. Потому их различие можно было бы определять строже. Не вполне ясно из текста, как истолковывает Никита Сергеевич отношение теоретической установки к установкам феноменологической и трансцендентальной, хотя подчеркивается, что они упоминаются в разных текстах Гуссерля. Мне видится также не вполне оправданным сближать естественную установку и биологическую определенность человека. Однако повторюсь, что эти вопросы-замечания призывают к содержательной, возможно перспективной дискуссии, но ни в коей мере не ставят под вопрос высокий уровень работы.

В целом, я полагаю, что работа Н.С. Буглака «Феноменология интеллигибельного: сознание и объективная реальность» представляет собой завершенное авторское исследование, соответствующее требованиям, предъявляемым в квалификационных работах такого уровня, и заслуживает самой высокой положительной оценки (отлично).

21.05.2017

д.ф.н., доц. Шиповалова Л.В.